

DOI 10.15393/j9.art.2017.4361

УДК 821.161.1.09“1917/1992”

Елена Александровна Завершинская*Куйбышевский филиал Новосибирского
государственного педагогического университета
(Куйбышев, Российская Федерация)*

Lensvet73@mail.ru

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА В СТИХОТВОРЕНИИ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ «В ПУСТЫННОЙ ХРАМИНЕ...»

Аннотация. В статье предлагается анализ стихотворения М. И. Цветаевой «В пустынной храмине...» (1922). Опровержение мнения Марка Слонима об отсутствии религиозности у Цветаевой стало отправной точкой для анализа. Первоначальное восприятие текста как принадлежащего тематической группе «любовная лирика» опровергнуто в ходе его аналитического прочтения. Возможность неоднозначной трактовки возникает в силу того, что Цветаева создает многоуровневую систему отсылок, затемняющих смысл всего произведения. Названы только отдельные художественные детали, такие как «ладан», «Логос», «земные руки», расширяющие границы семантического поля стихотворения. Так, «земные руки» символизируют Иисуса Христа, молящегося в Гефсиманском саду, и отсылают к Евангелию от Иоанна. Именно в этом варианте прочтения создается оппозиция «Божественное—земное», переводящее смысл стихотворения во вневременной план. Стихотворение «В пустынной храмине...» становится воплощением мироощущения Цветаевой и выражением ее представлений о сущности поэтического творчества.

Ключевые слова: М. И. Цветаева, «В пустынной храмине...», Евангелие от Иоанна, библейские аллюзии, жертвенность, мотив

Литературный критик Марк Слоним в своих воспоминаниях о Марине Ивановне Цветаевой писал, что в ее произведениях «нет никакой религиозной настроенности. Эта внучка деревенского священника была равнодушна и к церковности, и к обрядам, теологические проблемы и рассуждения о Боге ее не интересовали, а если речь заходила о смерти, смысле жизни, вечности, святости и высшей справедливости, она скучала и переводила разговор на другую тему или цитировала Монтеня» [6]. Однако авторитетное утверждение М. Слонима оспаривают другие исследователи, доказывая,

что поэтесса М. И. Цветаева — «певец русского православия», а ее поэзия — «насыщена религией» [7] (см. также: [3], [5]).

Смеем утверждать, что религиозная тематика в стихотворениях Цветаевой все же присутствует: она то спорит с Богом, то вторит Ему, то сочувствует. Так, например, отправной точкой для стихотворения «Я — есть. Ты — будешь. Между нами — бездна...» (1918) становятся строки из Евангелия от Иоанна (Ин. 18:5–7), где приводятся слова Иисуса Христа «Я есмь». Есть тексты в творческом наследии поэтессы, в которых явно или скрыто присутствуют библейские аллюзии: «Заповедей не блюла, не ходила к причастью...» (1915), «И не спасут ни стансы, ни созвездья...» (1920), «Листья ли с древа рушатся...» (1922) и др.

Среди произведений этой тематической группы наше внимание привлекло стихотворение «В пустынной храмине...», которое обычно относят к любовной лирике (см., напр.: [9]). Оно было написано в 1922 году в Берлине во время эмиграции, продлившейся семнадцать лет. Е. Айзенштейн так описывает ее ощущения в первые годы вдали от родины: «Цветаева чувствовала себя совершенно раздавленной, у нее не было сил ни жить, ни писать (летать!), ни верить в то, что когда-нибудь будет иначе, и все же постепенно она оживает...» [1, 8]. Именно это мироощущение стало основой произведения.

Стихотворение начинается с образа «пустынной храмины». В «Полном церковно-славянском словаре...» указаны следующие значения этого слова: «домъ (Матф. 2, 11), кровля, темница, тюрьма (Суд. 16, 21; 4 Цар. 17, 4; Иер. 37, 4, 15); то же, что дворъ темничный, передняя комната у темницы для стражи <...>; *храмъ блудницъ*, непотребный домъ (Прол. Июл. 10, 2). *Храмина земная* — тлѣнное тѣло человѣческое (2 Кор. 5, 1; Иов. 4, 19)¹.

В стихотворении использованы два значения сразу. Так, с первым связаны строки:

— Я буду крохотной
Твоей жаровнею:
Домашней утварью:
Тоску раскуривать... (курсив мой. — Е. 3.)².

Последнее значение проявляется в словах:

В пустынной храмине
Троилась — ладаном.
Зерном и пламенем
На темя падала... (курсив мой. — Е. 3.) (130).

В результате оба значения дополняют друг друга, создавая образы покинутых дома и человека. Эпитет «пустынная» усиливает ощущение разрушенности, оставленности. Лирическая героиня Цветаевой видит свою миссию в том, чтобы вернуть душу в «пустынную храмину».

Однако в сознании читателя слово «храмина» ассоциируется (на основе звуковых совпадений) со словом «храм». Эта ассоциация усиливается второй строкой стихотворения «Троилась — ладаном», где оба слова имеют непосредственное отношение к Евангельскому тексту. Его элементами становятся не только «Святая Троица», «ладан» (Мф. 2:11), но и «Логос» (Ин. 1:1, 14), «Вечность» (Ин. 3:36):

Гляди: не Логосом
Пришла, не Вечностью:
Пустоголовостью
Твоей щебечущей (130).

Слова «Логос» и «Вечность» становятся непосредственной отсылкой к Евангелию от Иоанна, которое, как известно, начинается словами: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1). Греческое «λόγος», употребленное в этой евангельской фразе, обычно переводится как «Слово». Цветаева противопоставляет Логос слову человеческому:

Без слов и на слово —
Любить... (131).

В этой строке обыгрывается известное выражение «поверить на слово». В таком контексте «вера» и «любовь» становятся синонимичными понятиями. Цветаевская любовь — это любовь безусловная, безоговорочная, именно такая, о какой говорил Христос в своих проповедях: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Ин. 13:34) (см. также: Ин. 15:12, 13, 17). Слово — это то, чем живет поэт. Поэтическое дарование

лирической героини Цветаевой становится формой ее служения Богу. Более того, служение перерастает в жертвенность.

Мотив жертвенности начинает проявляться в первой строфе стихотворения: если зерно и пламя воспринимаются как элементы ветхозаветного обряда жертвоприношения, то ладан и пламя — трансформация того же обряда уже в христианстве. Лирическая героиня становится одновременно и ладаном, и зерном, и пламенем, через жертву возвращая жизнь в «пустынную храмину». Более того, огонь и пламя имеют в поэтическом мире Цветаевой особое значение: для нее «сухость, жар, огонь <связывались> со стихией души, освобожденной от телесной оболочки» [4, 108].

Такое высвобождение души, ее развеществление сродни миссии поэта, жертвующего земными благами во имя высоких целей. Н. П. Жилина и А. В. Крысанова отмечают: «Путь поэта мыслится Цветаевой как его возрастание от одухотворенного, но все же телесного существа к бесплотному чистому духу. Постепенное “стирание” примет земной жизни становится свидетельством приближения к бессмертию, к духовному бытию» [2, 158].

Мотивом жертвенности заканчивается все стихотворение. Более того, девятая строфа:

— Не властвовать!
Без слов и на слово —
Любить... Распластаннейшей
В мире — ласточкой! (131) —

кульминация в разворачивании данного мотива. Образ «распластаннейшей в мире ласточки» — это метафора обряда пострижения в монахини, когда послушница должна распластаться на полу, раскинув руки в стороны, подобно распятому Христу. Одевание монахинь напоминает черно-белое оперение ласточек. Добровольный отказ от земной ипостаси во имя небесной — это и есть путь поэтического служения, который сродни пути Иисуса Христа от земного воплощения к небесному воскресению.

В «Записных книжках» 1919—1920 гг. Цветаева отмечает: «...я не собственник своей души, такой же в ней гость, как другие <...>. А хозяин моему дому — Бог» [8, 80]. Но если

в стихотворении лирическая героиня подчеркивает отказ от земного в пользу служения, то образ Иисуса Христа, наоборот, обозначен в его земном, человеческом воплощении. На это, по нашему мнению, указывает метонимия «земные руки», используемая в третьей и шестой строфах:

Домашней утварью:
Тоску раскуривать,
Ночную скуку гнать,
Земные руки греть!
<...>
За то, что требуешь,
За то, что мучаешь,
За то, что бедные
Земные руки есть... (курсив мой. — Е. З.) (130).

Обратим внимание на числовую символику строф, в которых упоминаются «земные руки»: если 3 — это число Святой Троицы (Отец, Сын и Святой Дух), то 6 — удвоенная тройка — может быть связана непосредственно с образом Иисуса Христа (33 — возраст смерти Христа в сумме дает 6).

Самым «человечным» эпизодом земной жизни Христа является произошедшее с ним в Гефсиманском саду, о чем говорится в Евангелиях от Марка (Мк. 14:32–42), Матфея (Мф. 26:36–46), Луки (Лк. 22:39–46) и Иоанна (Ин. 12:27–29). Все четыре Евангелия рисуют образ тоскующего человека, предчувствующего неминуемую гибель, но смиренно принимающего свою участь. В изложении евангелиста Луки физические и душевные муки молящегося Христа были настолько сильными, что на лице Его проступал кровавый пот: «И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Лк. 22:44). В Гефсиманском саду Иисус Христос в первый раз молится о самом себе: «Душа Моя теперь возмутилась; и что Мне сказать? Отче! избавь Меня от часа сего!» (Ин. 12:27). Это один из трагичнейших моментов в земной жизни Христа, в котором соединились одиночество, предательство, любовь, предопределенность, жертвенность. Ассоциация именно с этим библейским эпизодом возникает в строках поэтессы:

Тоску раскуривать,
 Ночную скуку гнать,
 Земные руки греть! (130) —

«И, взяв с Собою Петра и обоих сыновей Зеведеевых, начал скорбить и тосковать» (Мф. 26:37). Именно поэтому в стихотворении Цветаевой есть и «ночные клёкоты» хищных птиц, и «грудь безжалостная Богов», равнодушно взирающих на мучения человека. В контексте стихотворения «ночные клёкоты» — это одновременно и образ Гефсиманского сада, где произошло предательство, и «пустынная храмина» тоскующего человека. Лирическая героиня предстает в роли утешительницы, она готова жертвовать всем:

Пол-жизни? — Всю тебе!
 По-локоть? — Вот она! (130), —

воплощая в образе «распластаннейшей в мире ласточки» высшую степень покорности и жертвенной любви.

Таким образом, первоначальное восприятие стихотворения «В пустынной храmine...» как принадлежащего тематической группе «любовная лирика» опровергается в ходе его аналитического прочтения. Евангельским контекстом создается полисемантическая текста. Отсылки к образу Иисуса Христа призваны провести параллели с миссией женщины-поэта в ее вневременном значении: быть одухотворяющим началом мира и человека. Здесь поэтесса наиболее близко подходит к идее боговоплощения.

Примечания

- ¹ Полный церковно-славянскій словарь (со внесениемъ въ него важнѣйшихъ древне-рускихъ словъ и выражений), содержащій въ себѣ объясненія малопонятныхъ словъ и оборотовъ, встрѣчающихся въ церковно-славянскихъ и древне-рускихъ рукописяхъ и книгахъ...: пособие для преподавателей русск. и ц.-слав. языка въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ...: всѣхъ словъ объяснено около 30 000 / сост. свящ. магистръ Григорій Дьяченко. М.: Тип. Вильде, 1900. XL, 1120 с.; 26 см. [Электронный ресурс]. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003687813#?page=832>
- ² Цветаева М. Собр. соч.: в 7 т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Льва Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 2: Стихотворения, переводы. С. 130. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием номера страницы в круглых скобках.

Список литературы

1. Айзенштейн Е. О. Сوناتы без нот. Игры слов и смыслов в книге М. Цветаевой «После России». — М.: Издательские решения, 2015. — 376 с.
2. Жилина Н. П., Крысанова А. В. Телесная топография поэта в цикле М. Цветаевой «Сивилла» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — Калининград, 2014. — Вып. 8. — С. 157-162.
3. Мещерякова И. А. Библейские мотивы в поэзии М. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2000. — 28 с.
4. Осипова Н. О. Творчество М. И. Цветаевой в контексте культурной мифологии Серебряного века. — Киров: Изд-во Вятск. гос. пед. ун-та, 2000. — 272 с.
5. Пронягин В. М. Православные традиции в ранней лирике М. И. Цветаевой // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — Тамбов: Издательство Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. — 2007. — № 11 (55). — С. 178-181.
6. Слоним М. О Марине Цветаевой: Из воспоминаний [Электронный ресурс]. — URL: <http://e-libra.ru/read/315596-vozpominaniya-o-marinetcvetaevoj.html> (03.02.2017).
7. Финкель В. Религиозное, политическое и национальное самосознание Цветаевой // Слово\Word. — 2007. — № 55 [Электронный ресурс]. — URL: <http://magazines.russ.ru/slovo/2007/55/ia31.html> (03.02.2017).
8. Цветаева М. Неизданное. Записные книжки: в 2 т. / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной и М. Г. Крутиковой. — М.: Эллис Лак, 2001. — Т. 2: 1919–1939. — 544 с.
9. Шопова М. «Творчество, любовь, материнство» в русской женской поэзии XX века (А. Ахматова, М. Цветаева, Б. Ахмадулина) // Преображение. Русский феминистский журнал. — М., 1997. — № 5. — С. 62–70.

Elena A. Zavershinskaya

*Kuybyshev Branch of Novosibirsk State Pedagogical University
(Kuybyshev, Russian Federation)*

Lensvet73@mail.ru

THE GOSPEL OF JOHN IN MARINA TSVETAEVA'S POEM "V PUSTYNNOY KHRAMINE..."

Abstract. The article is devoted to the analysis of M. I. Tsvetaeva's poem "V pustynnoy khramine..." (1922). The rejection of Mark Slonim's opinion about the lack of religiousness in M. Tsvetaeva's poems became a starting point for the analysis. An initial perception of the text as that one belonging to "love lyrics", has been disproved due to analytical reading. The ambiguity of interpretation is possible by virtue of the fact that M. I. Tsvetaeva creates multilevel system of the hints, which darkens the message of the poem. Only some artistic details such as "incense", "Logos", "earthly hands" are mentioned,

thus expanding the boundaries of the semantic field of the poem. For instance, “earthly hands” are seen as a symbol of Jesus Christ praying in the garden of Gethsemane, and refer to the Gospel of John. It is this way of interpretation that makes possible the opposition “the Divine” and “the Earthly”. Thus, the poem “V pustynnoy khramine...” embodies M. Tsvetaeva’s world perception and expresses her ideas of essence of poetic work .

Keywords: M. Tsvetaeva, the Gospel of John, biblical allusions, sacrifice, motif

References

1. Ayzenshteyn E. O. *Sonaty bez not. Igrы sloв i smysloв v knige M. Tsvetaevoy «Posle Rossii»* [Sonatas Without Notes. Games of Words and Meanings in M. Tsvetaeva’s Book “After Russia”]. Moscow, Izdatel’skie resheniya Publ., 2015. 376 p. (In Russ.)
2. Zhilina N. P., Krysanova A. V. The Corporal Topography of the Poet in M. Tsvetaeva’s Poetic Cycle “Sibyl”. In: *Vestnik Baltiyskogo federal’nogo universiteta im. I. Kanta* [Vestnik of the Immanuel Kant Baltic Federal University]. Kaliningrad, 2014, issue 8, pp. 157–162. (In Russ.)
3. Meshcheryakova I. A. *Bibleyskie motivy v poezii M. Tsvetaevoy. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Biblical Motifs in the Poetry of M. Tsvetaeva. PhD. philol. sci. diss. abstract]. Moscow, 2000. 28 p. (In Russ.)
4. Osipova N. O. *Tvorchestvo M. I. Tsvetaevoy v kontekste kul’turnoy mifologii Serebryanogo veka* [Creative Work of M. I. Tsvetaeva in the Context of the Cultural Mythology of the Silver Age]. Kirov, Vyatka State Pedagogical University Publ., 2000. 272 p. (In Russ.)
5. Pronyagin V. M. Orthodox Traditions in Early Lyrics of M. I. Tsvetaeva. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Reports. Series: Humanities]. Tambov, Tambov State University of G. R. Derzhavin Publ., 2007, no. 11 (55), pp. 178–181. (In Russ.)
6. Slonim M. *O Marine Tsvetaevoy: Iz vospominaniy* [About Marina Tsvetaeva: Memories]. Available at: <http://e-libra.ru/read/315596-vospominaniya-o-marine-tcvetaevoy.html> (accessed 3 February 2017). (In Russ.)
7. Finkel’ V. Religious, Political and National Consciousness of Tsvetaeva. In: *Slovo/Word*, 2007, no. 55. Available at: <http://magazines.russ.ru/slovo/2007/55/ia31.html> (accessed 3 February 2017). (In Russ.)
8. Tsvetaeva M. *Neizdannoe. Zapisnye knizhki: v 2 tomakh* [Unpublished. Notebooks: in 2 Vols]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2001, vol. 2: 1919–1939. 544 p. (In Russ.)
9. Shopova M. “Creative Work, Love, Motherhood” in Russian Women’s Poetry of the 20th Century (A. Akhmatova, M. Tsvetaeva, B. Akhmadulina). In: *Preobrazhenie. Russkiy feministkiy zhurnal*. Moscow, 1997, no. 5, pp. 62–70. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию: 31.05.2017